

УДК 82–0 (575.2)(04)

**“PODROZE PO AZJI ŚRODKOWEJ” БРОНИСЛАВА ГРОМБЧЕВСКОГО
КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О ПОВСЕДНЕВНОЙ
ЖИЗНИ КИРГИЗСКОГО НАРОДА (к постановке проблемы)**

Л.Р. Скреминская

Представлены этнографические исследования офицера русской армии, имперского администратора в Алайском регионе Южной Киргизии.

Ключевые слова: повседневность как объект социогуманитарных исследований.

Повседневность – сравнительно молодая область научного знания. В последние годы интерес к проблеме повседневности заметно возрос, и из области периферийной она стала едва ли не самой популярной в социогуманитарных исследованиях: стали появляться работы по проблемам повседневной культуры, в которую входят не только особенности быта народа, но и сам его образ жизни. Под повседневностью обычно понимается “непрерывность каждодневного существования человека, его сегодня, сейчас, здесь” [1] – это координаты, в которых проявляются наиболее значимые для жизни явления. Она – исходный пункт любых рассуждений о человеке, и потому выражается в каждодневной жизненной практике – в образе жизни. На уровне повседневности осуществляются все культурные смыслы, а из подробностей и мелочей быта, вида жизни складывается устойчивая типологическая определенность, своеобразное “лицо” общества как такового.

Соответственно, исследователей повседневности интересует судьба отдельного человека в определенную эпоху, способы существования человека в различной экологической среде, природные, исторические, экономические, социальные факторы формирования и динамики повседневной культуры, а также формы взаимодействия человека и природы в различные исторические периоды и в различных обществах. Повседневную жизнь человека пронизывает система знаков: знаковость вещей, знаковость жилища, знаковость одежды, знаковость поведения и отношений – все это своеобразные языки культуры, которые непосредственно проявляют себя в повседневности. Различные географические

условия рождают различные жизненные уклады, традиции, следовательно, формируют особые формы повседневности. Иногда даже простая пейзажная зарисовка может служить важным звеном в исследовании повседневного быта народа, живущего “в лесах” или “на горах”.

Своими истоками интерес к повседневности уходит в эпоху 1920-х гг., когда французские историки Марк Блок и Люсьен Февр, основав исторический журнал “Анналы”, положили начало новому направлению в изучении истории и культуры – *Школе анналов*, которая боролась “против обветшавшей историографии, укрывшейся от действительности за каталожными ящиками с выписками из древних текстов, в которых она была неспособна ощутить живых людей”. Так родилась новая историческая наука, поставившая перед историками новые задачи и новые цели.

“Анналисты” выступали против устоявшегося в традиционной истории мнения о том, что “человек во все периоды своего развития менялся, в принципе, мало и мыслил одинаково, что в средневековье, что в Новое время”, и “для понимания истории мы не должны а priori определять мотивы поведения средневекового человека, перенося на него доступную нашему восприятию логику современного гражданина” [2]. Стали появляться исследования, в которых последователи Школы анналов сосредоточивали свое внимание не на важных исторических фактах и событиях и не на выдающихся личностях, а на повседневной жизни обычного человека или народа.

Повседневная жизнь киргизского народа практически не была предметом целенаправлен-

ного и целостного научного исследования. Однако есть работы, в которых встречаются зарисовки быта. В основном это источники, от которых невозможно отойти при исследовании киргизской повседневности, необходимо только изменить парадигму этих исследований [3, с. 163–178].

Повседневность – область междисциплинарная: воссоздавая повседневную жизнь народа, исследователь использует достижения гуманитарных и естественных наук, его интерес вызывают не только сочинения собственно исторического характера, но и военные мемуары, географические отчеты, записки путешественников, дневники, частная переписка и т. д.

Основным источником нашего исследования являются записки Бронислава Громбчевского – польского исследователя Средней Азии, состоявшего на службе в Российской армии и определенное время бывшего начальником Ошского уезда – района, важного в военно-политическом отношении.

Бронислав Людвиг Громбчевский (польск.: *Bronisław Grąbczewski*) родился 15 января 1855 (по другим источникам, 1854) г. в семейном поместье в Ковнатове (совр. Литва) [4, с. 99]. После того, как его отец, активный участник Польского восстания 1863 г., был выслан в Сибирь, а имущество и поместье было конфисковано, мать Б. Громбчевского и его родственники переехали в Варшаву. В Варшаве были русские гимназии и школы, и одну из таких русских классических гимназий окончил Б. Громбчевский. Дальнейшее свое образование он продолжил в Петербурге, поступив в Горный институт. Не окончив полного курса, в 1873 г. он поступил вольноопределяющимся в Лейб-гвардии Кексгольмский гренадерский полк, откуда был командирован в Варшавское пехотное училище. По окончании училища в 1875 г. будущий выдающийся российский разведчик и путешественник был произведен в прапорщики и вернулся в полк.

В марте 1876 г. он подает рапорт о переводе в армейскую пехоту. Рапорт его был удовлетворен и будущий Ошский уездный начальник был переведен на службу в 14-й Туркестанский линейный батальон, получив вскоре назначение в штаб Туркестанского военного округа, где был ординарцем у М.Д. Скобелева, а потом принял участие в Алайском походе князя Ф.К. Витгенштейна. В 1880 г. перешел на службу по военно-народному управлению, был помощником начальника Маргеланского уезда. Пребывая в этой должности, он в совершенстве овладел узбекским, таджикским и персидским языками.

В Ошском областном архиве политических документов (ООАПД) имеется документ, содержание которого подтверждает особый интерес Б. Громбчевского к местным языкам: “Военный губернатор Ферганской области, генерал-майор Мединский, просит Туркестанского генерал-губернатора откомандировать на курсы восточных языков младшего помощника начальника Маргеланского уезда поручика Громбчевского, который изъявил желание изучать восточные языки” [5].

В русской армии Б. Громбчевский прослужил более 40 лет, получив звание генерала. В течение всего этого времени он принимал участие в различных военных экспедициях, исследуя Туркестан, Кашгар, Тянь-Шань, Памир, горы Гиндукуш в Афганистане и северо-восточные области Тибета. Во время своих экспедиций он собирал образцы минералов, предметы быта жителей, составлял карты, проводил маршрутную съемку в странах, которые до него были совершенно не исследованы. Во время этих экспедиций исследователь собрал свыше 36 000 разнообразных экспонатов. В 1920 г. он вернулся в Польшу, а все свои азиатские впечатления описал в трехтомной книге “Путешествие по Средней Азии” (“Podróże po Azji Środkowej”), изданной на польском языке в Варшаве в 1924–1926 гг.

Ошским уездным начальником Б. Громбчевский был назначен в 1892 г. Именно отсюда начинались его научные маршруты, так как интеграция киргизского Юга в земли Империи требовала от российского правительства не только охраны и обороны границ, но и изучения края.

Ош, по описанию Б. Громбчевского, “это уездный городок, расположенный на берегу быстрой горной речки Ак-Бура (что в переводе означает “белый верблюд”), он лежит на высоте 972 метра над уровнем моря в наилучших, пожалуй, климатических условиях всей Ферганы. Жара не очень донимает, ибо по ночам с гор дует холодный ветерок... Зимой всегда падает снег, который быстро тает; однако бывает очень холодно. Если снег держится 2–3 недели, можно даже использовать сани, что в иных околицах Ферганы сделать невозможно. Свежая, чистая вода Ак-Буры, направляемая искусственными каналами на поля, дает возможность обильного полива посевов и закладки огородов <...> Городок утопает в зелени деревьев <...> В Оше спеют яблоки, груши... Ветки деревьев склонились к земле под тяжестью плодов и необходимо было бы ставить под них подпорки с мешочками и сетки, чтобы груши в них созревали <...> Особенность Оша – это высокая, до 200 м, скалистая гора со срезан-

ной верхушкой. Гора называется Тахтхи-Сулейман (Трон Соломона) и привлекает летом тысячи путников...” [6, с. 21].

В Оше Б. Громбчевский прослужил в течение десяти лет. Это был самый плодотворный период в его жизни. По свидетельству русского журналиста В. Грицкевича, опубликовавшего в 1970–1980-х гг. в местной периодической печати цикл очерков о Громбчевском, в ленинградских (теперь Санкт-Петербургских) архивах сохранились дневники и путевые записки исследователя края на русском языке, в которых содержится богатейший материал по этнографии киргизов, их местных обычаях и нравах, истории, географических особенностях местности и природных богатствах [7]. Однако в силу ограниченности доступа к русскоязычной версии дневников Б. Громбчевского мы будем опираться на польский вариант его книги.

Все записи, сделанные Б. Громбчевским, по словам польского журналиста Антона Маславского, редактора отдела польского журнала “Континенты”, “являются и по сей день ценным источником описания природы и этнографии Центральной Азии” [8]. Именно благодаря книгам Громбчевского поляки узнали о киргизском народе, его традициях и обычаях. Автор посвящает описанию природно-климатических условий Большого Алая и связанных с ними особенностей повседневного быта алайских киргизов несколько разделов своей книги.

Прежде чем приступить к описанию особенностей киргизского повседневного быта, исследователь дает яркую картину природы, во многом определившей специфику киргизской жизнедеятельности. “Долина Великого Алая, – пишет Громбчевский, – протянулась с востока на запад на протяженности 200 км, шириной достигая порою 40 км на востоке и 8 км на западе. Над южной стороной долины устремляются ввысь замечательные по своей красоте, покрытые вечными снегами вершины Заалайского хребта с огромной вершиной Кауфмана в восточной части. Такой замечательной красоты мне еще не приходилось видеть никогда” [6, с. 33]. Отметим, что Б. Громбчевский описывает, в основном, быт алайских киргизов, поэтому его описания могут представлять интерес и для исследователей, занимающихся изучением региональных особенностей традиционного киргизского быта. Зорким и внимательным взглядом исследователя и разведчика Громбчевский подмечает все детали, порой даже скрытые для простого взора. Причем всем, даже мельчайшим, деталям при-

родного пространства он дает свои комментарии и объяснения. Например, отмечая, что посреди Алайской долины течет река Кызыл-суу (Красная вода), Громбчевский поясняет, что “вода в той реке на самом деле красная, потому что она несет в себе большое количество песка, нанесенного с окрестных ледников”. Вся Алайская долина, пишет далее Громбчевский, покрыта роскошной травой: “ни дерева, ни кусточка, только покрытые свежей и сочной травой альпийские луга, которые служат пастбищами для десятков тысяч кочевничьих семейств, стекающих сюда со своими стадами со всей восточной и северной частей Ферганской долины. На новых пастбищах с невероятной быстротой переносятся кочевничьи поселки (айлы), поднимающиеся все выше и выше в горы до самого сентября, т. е. до тех пор, пока снега не перестают таять. С конца августа начинается возвращение айлов на зимовки” [5, с. 34]. “В октябре, – читаем далее, – когда выпадает первый снег, долина Алая, оживленная природой и жизнью людей летом, становится пустынной, дольше других остаются на Алае владельцы огромных табунов коней, которых в долине пасти очень трудно. Временами они даже остаются в Алайской долине на зимовку, переходя только с восточной части на западную” [6, с. 34–35].

Для исследователя повседневности такие пейзажные зарисовки не менее важны, чем описание, например, повседневных занятий изучаемого народа. Окружающая человека природа оказывает влияние на его внутренний мир и внешний облик. Повседневная история связана с формами организации окружающего пространства, а каждая историческая эпоха создает свою систему взаимодействия общества и окружающей его природной среды. Взаимодействие человека и природы формирует и уникальное культурное пространство, которое, в свою очередь, воплощает “базовые представления эпохи о миропорядке, вечности, жизни и смерти” [9]. Культурное пространство выступает своеобразным синтезом внутреннего и внешнего мира человека, его этических и эстетических представлений и всей его деятельности. Б. Громбчевский отмечает, как создает кочевник свое культурное пространство, поэтому его внимание привлекают все особенности киргизского быта, имеющего свою специфику, отличную от культур других азиатских народов, с которыми пришлось познакомиться исследователю за время его путешествия по Средней Азии, – таджиков, узбеков, афганцев, тибетцев.

Прежде всего, Б. Громбчевский исходит из особенностей *кочевого* быта киргизов, поэтому он и описывает ритуалы, сопровождающие переход с одного места кочевья на другое. Его интерес вызывает и киргизская юрта, заметно отличающаяся от жилища, например, северных народов. Поражали его воображение и величина юрт, и разнообразие их убранства: “Величина юрты и качество войлока зависели от благополучия хозяина; чем киргиз был богаче, тем юрта больше и войлок белее. Юрт меньше, чем 4–5 метров в диаметре, мне видеть ни приходилось. Однако встречались и просто огромные юрты. Однажды остановился на ночь у одного местного правителя (бия) из рода чум-багыш, который поместил меня в своей гостиной юрте (михман-хана), в диаметре она была 11 метров! Это была самая настоящая бальная зала, исключительно круглая, как и все юрты в этой местности, что отличало их от подобных жилищ народов Тибета или, например, калмыков, а также от палаток арабских кочевников или чумов народов Сибири. Жилище каждого народа имеет свои особенности, связанные с географическими условиями их жизни, климатом и другими обстоятельствами” [6, с. 36].

По описанию Громбчевского, юрта – очень удобный вид жилища кочевника, более того, само ее убранство – это не только представленная в миниатюре модель мира в восприятии киргизов, но и свидетельство искусности киргизских женщин-мастериц. Так, он описывает узоры, которыми были вытканы килимы, устилающие пол юрты и украшающие ее боковые стороны. С тщательной подробностью он описывает киргизское гостеприимство, сопровождаемое определенными ритуалами, киргизские спортивные игры и конные состязания, брачные церемонии и саму систему киргизского брака.

Повседневная жизнь кочевника упорядочена именно спецификой кочевого образа жизни. Переход аила с места на место для кочевника – это праздник, где каждая деталь ритуализирована. Так, Громбчевский описывает, с какой тщательностью разбираются и укладываются на верблюдов, покрытых яркими коврами, жилища киргизов – юрты, причем его удивление вызывает тот факт, что “зачастую на одном верблюде умещается целое хозяйство: постель, кованные железом сундуки, которые при открытии издают звонкий музыкальный звук. Все это равномерно укладывается на спину верблюду, но при этом так, чтобы получилось удобное сиденье. Мужчины и дети 5–6 лет садятся верхом на коней, а в руки берут шнуры, пропущенные через ноздри у верблюдов” [6].

Если этнографа, описывающего быт народа, будут интересовать именно эти описания домашнего скарба кочевника, то историк повседневности обратит внимание на другие детали: “кованные железом сундуки”. Откуда эти сундуки у кочевника, не занимающегося кузнечным ремеслом? Не свидетельство ли это новой волны социально-территориальных отношений? Почему у памирских киргизов, живущих в горной местности, средством передвижения вдруг выступает “корабль пустыни” – верблюд?

Далее Б. Громбчевский отмечает еще более интересные детали. Так, свидетельством праздничного оформления перехода с одного места кочевья на другое является то, что, как правило, киргизские женщины с малыми детьми на руках и девочки 11–12 лет одеты в свои самые нарядные и яркие одежды: “...их головы убраны высокими огромными тюрбанами, шея увешана кораллами, которые многочисленными нитками спускаются до самого пояса, и аул отправляется в путь. Чем киргизский род богаче, тем красивее убраны верблюды, тем ярче ковры, а женщины красивее одеты и имеют больше кораллов”. “Однажды, – продолжает он, – я был в гостях в ауле у одного богатого киргиза из рода жуваш и обратил внимание на то, что шею жены его старшей, которая прислуживала нам при обеде, украшали кораллы, весившие 38 фунтов. Удивленный, я спросил, не тяжело ли ей носить такие украшения? Но она посмотрела на меня с таким удивлением, что я понял: мой вопрос показался ей глупым. Однако она учтиво мне ответила: нет, я ношу их на плечах, а не на шее” [6, с. 34]. Автор обращает внимание на эмоциональную реакцию молодой женщины, что тоже заслуживает внимания: она не смутилась, не растерялась, хотя перед нею мужчина и чужеземец, а спокойно и учтиво ответила на вопрос. Следовательно, для историка повседневности здесь может быть новая проблема – область поведения и самоощущение киргизской женщины.

Сфера поведения – важная часть национальной культуры. Каждое культурное пространство формирует свои поведенческие нормы. Кажущиеся случайными детали обрядов, этикета могут говорить о важных чертах жизнедеятельности общества. На отдельные поведенческие особенности обращает внимание и Б. Громбчевский. Например, при описании временного провозждения киргизов исследователь отмечает, что “беспечная жизнь, которую ведут киргизские мужчины, способствует их частым взаимопосещениям и обмену всевозможными

“сплетнями”. Новости в тех безмерных пространствах расходятся с такой скоростью, как и у нас с помощью “беспроводного телеграфа”. Киргиз, даже если и будет куда-то очень спешить, но встретив по пути своего знакомого или просто человека, обязательно остановится с ним, чтобы обменяться новостями о том, что происходит в свете” [5, с. 38].

Вызывает интерес автора совершенно не знакомое ему ранее отношение к пространству. Для киргиза 100–200 км – это не расстояние. Он может спокойно сесть на коня, привязав к теневой стороне седла кожаный мешок с кумысом, и отправиться навестить родственников или просто знакомых, чтобы поговорить с ними о новостях.

Как поведенческую модель отмечает Громбчевский и гостеприимство киргизского народа: “Не знаю случая, чтобы кто-то из киргизов отказал бы кому-нибудь в ночлеге, не напоил хотя бы кумысом или айраном, если не смог забить барана или козу”. Поляки тоже отличаются известным гостеприимством. В старинных польских шляхетных усадьбах практически не бывало случая, чтобы семья одна, без гостя, садилась за стол. Но киргизское гостеприимство Б. Громбчевский связывает и с известной киргизской учтивостью: “Работая в краевой администрации и зачастую разрешая споры, которые возникали между разными сторонами, неоднократно замечал случаи, когда дети или внуки возвращали долги своих дедов или отцов, взятые под честное слово” [6, с. 38]. Память о предках, отмечает далее Громбчевский, сопряжена с неким пиетизмом. Если в семье умирал кто-либо из стариков, то погребальные ритуалы могли ввести членов семьи просто в разорение. Старший в семье обязан был в годовщину смерти устроить “той”, который длился не менее трех дней и на который собирались не только представители этого рода, но и все, кто мог и хотел придти и помянуть усопшего” [6, с. 39].

Не менее подробно описывает исследователь и кухню киргизов, отмечая, что суп они едят из деревянных или оцинкованных чашек, а такие блюда, как мясо или любимый азиатскими народами “палау-аш” (плов) из риса, – руками. “Так, – пишет исследователь, – едят все жители Средней Азии, не исключая даже миллиардеров-купцов” [6, с. 36]. Хлеб, отмечает далее Громбчевский, киргизы совсем не едят, но если и готовят мучные блюда, то только в форме рваных кусочков из теста, которые называются “бугурсак” (боорсок), обжаренных в бараньем жире, или кусочков из теста, вытянутых киргиз-

скими женщинами в тонкую и длинную лапшу, и все это слегка заливается сильно соленым бульоном. “Мясо едят только в случае семейного праздника, приезда важного гостя или в случае болезни какого-либо из домашних животных, которое надо срочно заколоть, пока оно не издохло” [6, с. 36]. Самым деликатесным мясом у киргизов Громбчевский отметил мясо баранье, потом следует конина (особенно мясо молодого жеребенка), при этом автор подчеркивает, что колбасы, изготовленные из мяса жеребенка, считаются особенно вкусными; далее следует мясо верблюда, а потом уже говядина или телятина. В качестве основного продукта питания у алайцев Б. Громбчевский отметил кумыс и айран. Кумыс, как описывает исследователь, приготавливают в огромных кожаных мешках, в которые сливают все молоко, которое только имеется в семье или даже целом селенье: овечье, козье, верблюжье, коровье и кобылье. Целыми днями женщины взбивают это молоко палочкой (кием), на конце которой находится деревянный крест. Чем дольше и больше взбивать это молоко, тем вкуснее и крепче будет кумыс. Идеальный кумыс, пишет Б. Громбчевский, приготавливается исключительно в честь приезда важного и дорогого гостя или если надо кому-либо сделать подарок. Его готовят из чистого кобыльего молока, взбивают на протяжении трех дней, на вид он должен быть густой, как сметана, цвета соломы, слегка солоноватый на вкус, и что особенно важно – он хорошо освежает в жару. “Но если выпить его в большом количестве, он приводит в состояние легкого опьянения, которое наступает, например, если выпить на завтрак бутылку легкого белого французского вина” [6, с. 37].

Записки Б. Громбчевского не ограничиваются приведенными зарисовками киргизской повседневной жизни. Исследователь детально и подробно описывает и другие ее стороны, которые дополняют представление о повседневной жизни алайского кочевника: это брачные церемонии, традиционные игры и забавы. Возможно, вне его внимания остались какие-либо стороны киргизского повседневного быта, но это легко объяснимо: военный, ученый, исследователь фиксировал то, что было для него новым, непознанным, неожиданным. Но в конечном итоге все это новое приводит к пониманию того, что каждая социокультурная система вырабатывает свои сложные структуры жизнедеятельности, которые охватывают все стороны человеческой жизни, но с наибольшей полнотой выражаются в жизни повседневной.

Литература

1. *Кривицун О.* Человек в его историческом бытии: опыт психологических и художественных измерений: [электронный ресурс]: // <http://anthropology.ru>
2. *Филлюшкин А.* Новая историческая наука: [электронный ресурс] // <http://anthropology.ru/ru/>
3. *Тузов А.Л., Шаповалов В.И.* Кыргызстан – сердцем и разумом // Дружба народов. 2010. № 1.
4. *Kijas Artur.* Polacy w Rosji od XVII wieku I do 1917 roku. Słownik biograficzny. Warszawa, Poznań, 2000.
5. Ошский областной архив политической документации. Ф. 50. Оп.1. Ед. хр. 71.
6. *Grąbczewski B.* Podróże po Azji Środkowej. Warszawa, 1958.
7. *Грицкевич В.* Путешествие начиналось в Оше // Ленинский путь. 1974. 23 июля.
8. *Маславский А.* Город на “Белом верблюде” // Ленинский путь. 1967. 7 июня.
9. *Бабаева А.В.* Проблемы повседневности в исторической науке: [электронный ресурс]: <http://anthropology.ru/ru/texts/babaeva/everhist.html>